

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ И УСПЕХА!

Люди доброй воли приветствуют поездку Н. С. Хрущева в Америку

Год издания 31-й № 113 (4079)

Суббота, 12 сентября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ЗАВТРА — ДЕНЬ ТАНКИСТОВ

ИМЕНЕМ ГЕРОЕВ

Из года в год в сентябрьские дни в Ладужинской средней школе учителя рассказывают первоклассникам о человеке, имя которого носит их город, — танкисте Иване Ладужкине. Это стало здесь традицией. В Калининградской области есть немало городов, в названиях которых увековечены бессмертные дела героических сынов советского народа.

Недалеко от районного центра Ладужкина есть еще один город, носящий имя героя — Николая Мамонова. Ладужкин и Мамонов стоят и сейчас рядом, как стояли когда-то, защищая нашу Родину.

В День танкистов в северном городе Ладужкина proud пионеры, школьники, трудящиеся. Здесь среди георгиев, астр, нарциссов, флоксов, пожеланных юнкатами, возвышается бронзовый бюст двадцатидвухлетнего Героя Советского Союза лейтенанта Ивана Ладужкина.

«Пожой мой Ваня, такой же добрый, застенчивый, — сказала, посмотрев на скульптуру сына, мать героя Елизавета Филипповна, приехав

здесь по приглашению общественных организаций из далекого Казахстана. — Спасибо вам всем, что вы так чутко бережете память о нашем сыне. Традиции героев свято берегут молодые танкисты, славные воины нашей армии. В канун Дня танкистов десанта солдат Кантемировской дивизии получили высокое звание мастера вождения танка.

На снимке: Николай Лукьянов, один из лучших солдат части, получивших это звание.

Фото А. Никитова

ТАНКИСТСКАЯ СТИПЕНДИЯ

Мне хочется рассказать об одной танкистской судьбе.

Сашу Мюрдвинцева после окончания десятилетки призвали в армию. На войне он был ранен и после ранения демобилизован. Работал на заводе в Челябинске. Когда создавали уральский танковый корпус, Саша одним из первых поддал заявление. «Еле проскочил комиссию», — писал он мне.

На Орловско-Курский дуге Саша Мюрдвинцев был опять тяжело ранен. Более десяти осколков впились в тело. Врачи сказали, что для военной службы он не годен. Второй раз соблазнился его отчислить из армии. Но танкист рвался к друзьям, в часть. Снова воевал. А здоровые Саша было уже не «танкистским». Его все же отчислили из части и отравили учиться в Львовский университет имени И. Франко. С Сандомирского плацдарма друзья послали Мюрдвинцеву письмо: «Дорогой Саша! Прими от друзей сердечный фронтный привет. Ты сейчас студент одного из старейших университетов. Это делает нам честь, и мы гордимся тобой.

Будь, Саша, гвардейцем в учебке. Докажи на деле, на что способны сыны нашей Отчизны — коммунисты, смеющиеся танки на книги. Пусть знают, как крепка дружба гвардейцев и связь боевых друзей.

Имя, Саша, на полные обороты, не давай пробокровки и холостого хода. Пусть все чувствуют по ухватке и стило работы, что ты бывший фронтник.

Помни наш гвардейский наказ: не сдавай позиций без боя. Помни наш гвардейский закон: там, где наступает гвардия, враг не устоит; там, где обороняется гвардия, враг не проедет! Учеба — это тоже бой, бой за овладение вершинами науки. Ижелаем тебе успехов в учебе. Ты же одною. Твои друзья тебе помогут.

Целую тебя, твои боевые друзья: Цирков, Денисов, Кулевцов, Сурков, Пупков, Сидельников, Ерофеев, Литвинов, Лыских...

Танкисты решили собрать товарищу «фронтную надбавку» и стипендию: пусть в театр сходит за нас лишней раз, оденем по получше купит...

Семь тысяч рублей послали один студенту-танкисту. Мы это назвали «танкистской стипендией».

Где же Саша Мюрдвинцев? Окончил ли университет, здоров ли?

Саша с отличием окончил университет, затем аспирантуру Академии наук УССР. В 1953 году защитил кандидатскую диссертацию и с того времени работает доцентом кафедры русской литературы Херсонского пединститута. Издал ряд своих научных работ, а также два сборника произведений народного творчества, собранных им. Недавно он прислал мне свою пьесу об уральских танкистах, работает над книгой о друзьях-однопольцах.

Вот она, танкистская стипендия! Не пропала!

Радостно сознавать, что послевоенная жизнь не обманула наших надежд. Мы так живем, как мы мечтали, как мы хотели и хотим, как покалялись мы на металле под дымным небом фронтным.

Михаил ЛЬВОВ

ВСЕ РАДЫ

Во всех странах мира люди приветствуют предвещающую поездку Н. С. Хрущева в США и шлют пожелания полного успеха его миссии мира. Все радуются, у всех на душе праздник.

Ян СУДРАБАКЛН

Может быть, надо добавить, что радуются все разумные, добрые, миролюбивые люди? И что таких на свете громадно большинство? И что вокруг бонского канцлера все теснее сжимается ледяное одиночество? Так это же понятно. Именно то обстоятельство, что народы в капиталистических странах столь же горячо и страстно, как и на нашей Родине, как и во всем лагере демократии и социализма, стремятся к миру и сотрудничеству, сделало, в конце концов, возможным и эти светлые исторические события.

Непрекращающиеся целеустремленные усилия Советского правительства увенчались успехом. Навившие оскомину изверги и хитросплетения, недобросовестные измышления яросных, тугоголовых сторонников «холодной войны», за которой им мерещатся чудовищные битвы в воздухе и на земле, на воде и под водой, нелепое и преступное бряцание атомным оружием, новые страшные Хиросимы отойдут, выдвнется человечество, в прошлое.

Посланиями советского народа, сказал товарищ Н. С. Хрущев, поедет в Америку «открытой душой и чистым сердцем, с добрыми намерениями», и этих слов уже ничто и никто не сотрет, не вытрапит из людских сердец во всем мире. Снова возросли силы содружества и сотрудничества, прибавилось у людей решимости бороться за мир во всем мире. Человеческая энергия, добрая воля СССР ведут людей вперед. Расцветут сады дружбы.

♦

Войтех ДОЛЕИШИ,

чехословацкий публицист

верги и хитросплетения, недобросовестные измышления яросных, тугоголовых сторонников «холодной войны», за которой им мерещатся чудовищные битвы в воздухе и на земле, на воде и под водой, нелепое и преступное бряцание атомным оружием, новые страшные Хиросимы отойдут, выдвнется человечество, в прошлое.

Посланиями советского народа, сказал товарищ Н. С. Хрущев, поедет в Америку «открытой душой и чистым сердцем, с добрыми намерениями», и этих слов уже ничто и никто не сотрет, не вытрапит из людских сердец во всем мире. Снова возросли силы содружества и сотрудничества, прибавилось у людей решимости бороться за мир во всем мире. Человеческая энергия, добрая воля СССР ведут людей вперед. Расцветут сады дружбы.

♦

Потепление в атмосфере

Считанные часы

остались до той минуты, когда с московского аэродрома поднимется мощный советский самолет для поездки на океаном в Соединенные Штаты.

Войтех ДОЛЕИШИ,

чехословацкий публицист

У нас в Чехословакии, как и во всем мире, все приветствуют эту поездку — поездку, служащую делу мира. И чтобы выразить наши чувства, достаточно одного слова: радость. Радость, потому что удалось растопить лед «холодной войны».

В связи с этим событием вспоминается, что прошло уже почти два десятилетия с тех пор, как началась вторая мировая война. Для Чехословакии она началась, собственно, почти на год раньше — оккупацией страны немецкими фашистами после Мюнхена. Тогда говорили, что молниеносное соглашение необходимо для сохранения мира. В действительности же Мюнхен явился лишь увертюрой к началу второй мировой войны, куда более страшной и разрушительной, нежели первая. Иско, что третья мировая война была бы еще более ужасной.

Мы не хотим третьей мировой войны. С нас довольно двух, которые пришлось пережить нашему поколению. Мы хотим, чтобы войн больше не было, чтобы они не прозябли нашим детям, не жребляли народы и не отрывали их от мирного труда.

Когда войну считали карой, которую разгневанный бог посылал человечеству. В католических молитвах есть такая просьба к богу: «От голода, чумы и войны храни нас, господи!» Позднее люди поняли, что война — это не кара божья, а дело рук человеческих. Однако считалось, что решение о том, вести или не вести войну, — занятие королевских особ и государственных деятелей, которое сам народ принимать не может. Прежде чем приходилось слышать: «Я в политику не вмешиваюсь, это бесполодно, все равно они сделают, как хотят», они! Это означало правящий класс — капиталистов, крупных землевладельцев и их прихвостней.

Предстоящий обмен визитами Хрущева и Эйзенхауэра являются лучшим свидетельством того, что империалисты уже не могут делать, что хотят. И в будущем они не смогут сделать то, что им нравилось, если общественное мнение выступит

против политики развязывания войн. Общественное мнение стало в мире великой силой. Народные массы капиталистических стран требуют правительства разрешать спорные вопросы на конференциях государственных деятелей, а не на полях сражений. «В международную политику внесен элемент народного голосования», — утверждает буржуазная газета «Франкфуртер альемейне цейтунг».

Народы капиталистических стран не хотят слышать только сухое «нет», которым встречали на Западе все советские предложения. Политика перестала быть привилегией одних дипломатов. Теперь она во многом зависит от воли народов. Представители капиталистических государств, хотя бы этого или нет, вынуждены осознавать, что с Советским Союзом, со странами социализма нельзя говорить «с позиции силы». Политика «с позиции силы» потерпела крах, и какие бы то ни было попытки продолжать ее обречены на провал. «Теперь очевидно, что оба мировоззрения могут сосуществовать», — писала в сообщении из Вашингтона английская газета «Обсервер».

Однако нельзя сказать, что политика силы умерла окончательно. Еще многие застревают в ее воспоминаниях. Эльва стало известно о предстоящем обмене визитами Хрущева и Эйзенхауэра, на Нью-Йоркской бирже началось резкое падение акций, самое большое за последние годы.

Биржу охватила паника. Панический страх перед метром. Для Чехословакии особенно тревожит то, что Западная Германия, упорно настаивая на продолжении политики «холодной войны», сопротивляется какому бы то ни было ослаблению международной напряженности.

Мы будем следить за борьбой сил мира с силами «холодной войны». Мы верим, что все действия, направленные против ослабления международной напряженности, потерпят крах. Мы провозглашаем товарища Хрущева в США с пожеланиями полного успеха. Ставший путь! ПРАГА, сентябрь

Дружба литературы

КИТАЙ — на пороге большого юбилея. Недалек день, когда шести-семимиллионный китайский народ, а вместе с ним и мы, советские люди, его друзья и братья, трудящиеся всех социалистических стран, все прогрессивное человечество отметят славную дату — десятилетие Китайской Народной Республики.

Задумываясь над этой всемирного значения годовицей, оглядываясь на путь, пройденный китайской литературой за десять лет, мы видим, как все более крепнут духовные связи между нашими народами, все более зреют и позитивной становится дружба наших литератур, корни которой уходят в далекое прошлое. С тех пор как караваны первых русских землепроходцев достигли стен древнего Пекина, минула не одна сотня лет. И год от года росла и ширилась дружба русского и китайского народов. В ее цветении значительный вклад вносили и вносят писатели наших стран.

История русской литературы знает немало примеров, когда выдающиеся художники слова мечтали посетить Китай, выразили сочувствие и искреннюю любовь китайскому народу. Чувства горячей симпатии влекли нашего Пушкина к стенам далекого Пекина. В. Белинский писал о том, с какой любовью в России занимают всем, что отозвучит в этой стране. Обращаясь к ее народу, он восклицал: «Как охотно говорим о тебе, как неотомно ждем от тебя». Русские революционные демократы поднимали свой голос в защиту китайцев от европейских колонизаторов. У многих и многих наших писателей прошлого века можно найти добрые слова в адрес великого соседа России на Дальнем Востоке.

С необычайным вниманием следил за всем, что происходит в далеком Китае, Максим Горький. Китайский художник Чань Янь-пю создал гравюру, изображающую Юрковского и Лу Синя за беседой. Она имеет глубокое, поэтическое символическое значение. Эти два человека не видели друг друга, их руки никогда не встречались в горячем рукопожатии, но тем не менее прав художник, нарисовавший их вдвоем — оба они олицетворяют дружбу литературы СССР и Китая, служат символом их неразрывной, кровной связи.

Еще в 1912 г. Горький писал с острова Капри китайскому революционеру демократу Сунь Ят-сену: «Мы — братья по духу, товарищи по намерениям». А через 22 года в своем известном обращении к революционным писателям Китая Горький так формулирует общность задач, стоящих перед литераторами Советского Союза и Китая: «Наше оружие — слово, наша обязанность — как можно лучше закалять идеологически, заострять слово и — вложить оружие наше в души и уста пролетариата всех стран».

Лу Синь, подобно Горькому, был одним из тех писателей, благодаря которым наши литературные связи приобрели еще больший размах. Этот скромный человек, один из благороднейших гуманистов мира, возглавлял в Китае фронт пропаганды советской литературы. Лу Синь считал распространение русской и советской литературы в Китае революционной задачей огромной важности, сравнивая ее с тайной доставкой оружия борющимся рабам, называя советскую литературу народ черпал в ней духовную стойкость и вдохновение, она пролагала путь в свету, звала к борьбе за счастье народа. Книжки советских писателей доносили тогда до миллионов китайцев, преодолевав многие преграды. Тем доблестнее был подвиг тех

литераторов, кто вместе с Лу Синем, Цюй Цю-бо, Го Мо-жо, Мао Дунем, Цяо Цзин-хуа и другими осмелился стать другом и пропагандистом советской книги.

С образованием КНР все более расширялось русло, соединяющее наши культуры. В наши дни литературе, искусству слова принадлежит огромная заслуга в упорении уз братства. Литература выполняет важное и большое дело — она роднит наши сердца, помогает еще лучше узнать и понять друг друга. Наша дружба народов СССР и Китая вдохновляет наших мастеров слова.

Сегодня писатели народного Китая в своих статьях и высказываниях подчеркивают громадное значение, которое оказывают на них произведения советских литераторов. Эти книги, по словам наших друзей, стали для них «учебником коммунизма». Говоря о советских людях, героях книг — Воропаеве, Олеге Кошевом, Мересьеве и других, китайский писатель Лю Бай-юй восклицает: «Они — мудрость человечества, самое лучшее, героическое, честное в нем, они — золото, содержащееся в руде человечества. Они — горючие дранки, выравнявшие свои сердца, чтобы, словно факелом, осветить людям дорогу...» А китайский поэт об этом сказал так:

В годы, когда нашу землю окутывал мрак,
Ваши слова нам светили, как яркий маяк,
Ныне, когда мы стремительно мчимся вперед,
Ваши слова — наше знание, надежда, оплот!

Китайская литература, мудрость ее тысячелетних традиций всегда были близки нам своими возвышенными идеалами служения человеку, своим подлинным демократизмом и гуманизмом, любовью к родине, к прекрасному, к свету. Десять лет назад А. Фадеев, говоря о восприятии советским читателем книг Лу Синя, писал: «По духу он — рядом с Чеховым и Горьким...»

Знакомясь с книгами современных советских и китайских писателей, находим немало общих черт, роднящих наши литературы. Творчество писателей обеих стран — благородное служение трудящимся массам, интересам родины, народа. Партийности литературы социалистического реализма, прославление людей труда, стремление удовлетворить все возрастающие духовные, эстетические запросы читателей масс — вот что прежде всего сближает наши литературы. Это единство представляет огромную силу в духовном развитии всего человечества. Достаточно вспомнить события недавнего прошлого. Когда наши противники обрушились на творчество писателей социалистических стран, на социалистический реализм, им пришлось встретиться с единым, монолитным фронтом литературы СССР и Китая и других стран народной демократии. Верные принципы марксистско-ленинской эстетики, писатели коммунистскими рядами встали на борьбу с проявленными ревизионизма, с попытками опровергнуть достижения литературы социалистического реализма. Китайские писатели сравнивают эти стремления ревизионистов с жалкими усилиями нескольких муравьев, тиснемо пытающихся перетаскать огромный лес, достигший своих вершинами облаков.

Большое оживление в творческой деятельности, как отмечают китайские литераторы, внесли доклад Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС и его выступление на Третьем съезде советских писателей.

Писатель Шао Цюань-линь пишет, что задача, поставленная тов. Хрущевым перед работниками литературы и искусства, — запечатлеть героический подвиг народа, строителя коммунизма, и повысить идейно-художественный уровень творчества, — является не только величайшей задачей советской литературы, но и литературы всех социалистических стран.

Ярким примером содружества наших литератур может служить число китайских книг, переведенных на русский язык. Только за минувшее десятилетие у нас было издано около 500 названий произведений китайских пи-

сателей общим тиражом более 25 миллионов экземпляров. Мы зачитываемся выходящими журналами мастеров слова, как Лу Синь, Го Мо-жо, Мао Дунь, Ба Цзинь, Лао Ша. В произведениях этих крупнейших писателей-реалистов мы находим глубоко правдивое, художественно яркое описание эпохи, быт, нравы, Романы и повести Чжоу Ли-бо, Ло Бай-юя, Чжао Шули и многих других современных китайских прозаиков, поэтов, драматургов стоят теперь на книжных полках рядом с нашими любимыми книгами.

Большое значение в сближении наших культур имеет перевод на русский язык выдающихся памятников древнекитайской литературы, таких, как «Шитяни» — «Книга песен», стоящая в одном ряду с шедеврами мировой литературы; классических романов «Троепанствие», «Речные заводи», «Сон в красном тереме», «Путешествие на Запад»; сборников стихов великих поэтов древности Цюй Юаня, Ду Фу, Ли Бо, Бо Цзюй-и. В свою очередь новую жизнь закалило на китайском языке «Слово о полку Игореве».

Особая роль в развитии наших литературных связей принадлежит личным контактам писателей с литераторами народного Китая. Ведь ничто так не сближает людей, как беседы, обмен мыслями, творческими планами. За последние годы многие наши писатели побывали в КНР, установили дружеские связи с китайскими литераторами. Эти поездки вызвали в жизни яркие, содержательные книги о Китае. Одно из звеньев дружеских, творческих связей литераторов Советского Союза и Китая — переписка между ними. Публикуемая сегодня в «Литературной газете» подборка писем — часть этой огромной переписки — свидетельство самой искренней, творчески деловой дружбы наших литераторов.

В словах советских и китайских писателей находят выражение голоса сердца наших народов. У наших литераторов одни цели, одни задачи — служить человеку, бороться за построение коммунизма, за мир, отражать успехи этой великой борьбы. Единство их стремлений расширяет неограниченные возможности для дальнейшего взаимобогащения советской и китайской литературы, служат залогом плодотворного развития их содружества.

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ

- Ян Судрабаклн, Войтех Долейши, Эдгар Фор, Антуан Аллар. Счастливого пути и успеха!
- В. Берестов. Судьба девяностого сонета.
- А. Шаров. На поруки.
- Владимир Киселев. С глазу на глаз со зрителем...
- Нат. Соколова. Техника критического безопасники. Фельетон.
- В. Сафонов. Андрейка. Рассказ.
- Дружба литератур. Из переписки советских и китайских писателей.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Преступление и Е было совершено. Ш. учащийся последнего курса Сталкинского строительного училища, угнал чужой велосипед и, следовательно, должен отвечать по закону. Но в основе уголовного законодательства есть статья 43, и она предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности, если «совершенные виновным деяние потеряли характер общественно опасного или это лицо перестало быть общественно опасным».

Чтобы правильно решить судьбу Ш., надо было представить себе будущее его на фоне более широкой картины. Каждый опытный рабочий прокуратуры и суда припомнит случаи, когда с подростком ему приходилось столкнуться не один, а два или три раза. И при первой встрече было твердое убеждение, что преступление было совершено случайно, под чьим-то пагубным влиянием или в состоянии мимолетного помрачения. А при второй встрече, после отбытия еим случайным преступником наказания в месте заключения, бывало так, что возвращающиеся рецидивист, получивший уголовную штрафку, обрешенный связями в уголовном мире, разорвать которые нелегко.

В тюрьме воспитатель, борясь за души случайных преступников, людей, впервые нарушивших закон, сталкивается с бандой старых уголовников и часто не достигают поставленной цели.

Есть люди, считающие, что вся беда в недостаточности жестокости. Тюрьма, мол, должна прежде всего не воспитывать, а устрашать: чтобы неповодило было. Но опыт говорит, что «страшный» путь далеко не всегда дает хорошие результаты. И особенно болезненно он, когда дело касается преступности детской или юношеской. Уголовник, разрывающая молодежь, — а этому он отдает много сил, — прежде всего сознательно или бессознательно стремится сделать так, чтобы ученика его противопоставил себя обще-

НА ПОРУКИ

стеству. В этом суть и дешового морального кодекса уголовников, в блатных песнях, и вольчий уголовный героизм. Воспитатель, выбирающий путь суровости, сам того не замечая, порой подготавливает почву для возникновения подобной отчужденности и особенно плохо действует на души чужие.

Чтобы проверить это, достаточно сравнить хотя бы Куряж прежний с какой-либо нынешней исправительно-трудовой колонией. Макаренко брал детей и подростков, совершивших преступление, на полную ответственность свою и коллективную. Брал человека в самую тяжелую минуту и говорил ему: мы, то есть весь наш коллектив, отвечаем за тебя и будем отвечать не год или два, а всю жизнь. Смотри не подведи.

И среди питомцев Макаренко почти не было случаев рецидивов преступности. Нынешние исправительно-трудовые колонии многое унаследовали от Куряжа макаренковского. Но все-таки в главном система изменилась.

У Макаренко был гордый коллектив, несущий полную ответственность перед большим коллективом всего советского общества. Сейчас колония в значительной мере отгородилась стенами, охраной от этого большого коллектива. У Макаренко воспитывался человек во зрелости, отвечая за него всем — честно, совестью, брали его на поруки. Сейчас правонарушитель отбывает срок и выходит из колонии, лишь только срок кончается. У Макаренко воспитание являлось, собственно, единственной задачей. Сейчас же задача перевоспитания сопоставляет другая — отбытие наказания.

Система исправления малолетних преступников стала иной. Более строгой ее сделала с единственной целью — наже-

НА ПОРУКИ

во. Но суть новой системы в том, что такое решение о судьбе человека органы судебного прокурорские принимают лишь совместно с общественными коллективами. Прокурор уверен, что Ш. по складу своей души совсем не преступник, что судить его не надо; эту уверенность должен подтвердить люди, знавшие Ш. не два, а годы.

И не только «со стороны» подтверждать, а взять на себя полную ответственность за его дальнейшее поведение. Они должны сказать: мы гарантируем, что преступление не повторится. Гарантируем надежнее, чем тюремная ограда. Так, как гарантировал Макаренко.

Нелегко дать такое поручительство. И директор стройучилища вместе с заместителем отказались поддержать прокурора. Ход их мыслей, вероятно, сводился к следующему: «Может быть, Ш. не плохой юноша, — это ведь говорят все, — но как влезть в чужую душу? И зачем влезать? Наша ли это обязанность? Пускай все идет по закону».

Расуждение логически правильное, только оно проходило мимо одного важного закона — закона человечности, который входит в и основы уголовного законодательства.

Спорность, вернее, казенную старомодность рассуждений директора в училище сразу уловил. Моральный кодекс учащихся оказался другим, как нам кажется, более высоким. Будущее покажет, кто был прав: директор или коллектив училища, который взял Ш. на поруки, властно и смело, не боясь ответственности, вмешался в его судьбу. Пока хочется отметить одно: подобное решение не пройдет бесследно. Коллектив и сам станет взрослее, духовно богаче, как взрослее и душевно богаче становилась рота после первого боя; только там взросление оплачивалось дорогой ценой крови и человеческого горя.

НА ПОРУКИ

не охранить общество от преступности. Но именно этой единственной цели она не всегда достигает. Если у Макаренко рецидивы были редчайшим исключением, то в нынешних колониях нередки случаи, когда их питомцы вновь возвращаются на скамью подсудимых.

Конечно, взять на поруки не может быть единственным или хотя бы главным способом борьбы с преступностью. Но есть случаи, и довольно многочисленные, когда таким путем не только спасается человек, но и избавляется общество в будущем от опасного рецидивиста.

Применение статьи 43 позволяет полностью восстановить старый Куряж, колонию имени Горького, весь замысел Макаренко. Создать вновь колонию без тюремных стен.

Это делается духом и направлением нашей внешней системы борьбы с преступностью.

И не в одном этом деле. В эпоху Макаренко на поруки отдавали только подростков и отдавали специально подготовленному педагогическому коллективу. Сейчас система поручительства применяется шире и смелее; она становится одной из интереснейших коммунистических черт системы. На поруки берут и взрослых, сложившихся людей, если всем ясно, что преступление не повторится, что оно совершено в первый раз, случайно. Поручителями выступают коллективы рабочих, служащих, учащихся.

Все это и многое другое, вероятно, вспомнил и предумал исполняющий обязанности прокурора гор. Сталинка С. И. Носарев, знакомясь с делом Ш., а главное с самим подсудимым.

И ТАК, как поступить? Не колеблясь, по велению совести, прокурор принял решение: общественное воспитание, поручительство (Окончание на 2-й стр.)

Впервые день жатвы, в короткий обеденный перерыв, на полевом стане бригады Александра Гиталова собрались механизаторы. Докладчик из области приехал рассказать комбайнерам и трактористам колхоза имени XX партсъезда о предстоящем визите Н. С. Хрущева в США.

— В этом же клубе, — заметил докладчик, — вы слушали рассказ своего бригадира, вернувшегося из поездки по «кукурузному поясу» США. Ферму в Кун Рапидс, где Гиталов проработал три месяца, посетит в ближайшее время

Кун Рапидс — Камышеватка

глава Советского правительства. Я думаю, что Никите Сергеевичу будет приятно услышать в далеком от Камышевката штате Айова добрые слова о нашем земледельце. ...Сравнительно недавно — в эту же пору прошлого года — на полях фермы Гиталова можно было ежедневно встретить рослого жизнерадостного человека. Он приехал сюда посмотреть, из чего складывается

сложный комплекс механизации в хозяйстве мистера Гарста. Он проработал у него без малого сто дней, сидел за рулем разных машин, очень хорошо разобрался в них, но когда нужно было с кем-нибудь поговорить, смущенно доставал из кармана комбинезона русско-английский разговорок и не так уж правильно произносил нужную фразу. Мы сидим с Александром

Васильевичем Гиталовым, дважды Героем Социалистического Труда, в тени акации маленького сквера полевое стаю. Я прошу его рассказать о днях, которые он провел на ферме Гарста. ...Президент компании по производству и продаже гибридных семян кукурузы, владелец крупнейшей фермы Росулл Гарст доставил своего гостя на трактор, указав ему на трактор, а сам уехал. Два трактора уже были заведены, третий ждал своего нового хозяина — Александра Васильевича. Трактористы-американцы, как только Гиталов сел за руль, повели свои машины за ним следом. Так вместе они сделали немало кругов. Потом один трактор остановился и неохотно затих. Тракторист постоял с минуту и ушел к маленькому домику. Вскоре он вернулся к своей машине. Тогда второй водитель подошел к нему и тоже остановился.

Гиталов сделал еще шесть кругов, а его коллеги молча и сосредоточенно смотрели на свои тракторы. «Машина, видимо, испугалась», — подумал Александр Васильевич. — и свернул к своим новым товарищам.

— Здоровеньки были, — сказал бригадир украинских трактористов. — Что, не гут?

— No good, — подтвердили американцы. Гиталов уже знал, кто-то ему рассказывал раньше, что трактористы здесь умеют лишь отключить мотор, а если уж отключился мотор, бегут к телефону, вызывают механика.

Они снисходительно помахивали, как колпачками в их тракторе это большой, высокий русский человек. — Пойдет твоя машина, — сказал Гиталов. — Гидравлика штука упрямая, но сговорится с ней можно и в Айове по-русски, — пытался он весело объяснить своим американским коллегам причину остановки трактора.

В глазах американских трактористов, добродушно реял искреннее восхищение. Они протягивали руки Гиталову, подбрасывая в воздух соломенные шляпы и громко кричали: — О кей, рашин.

Маленькая колонна, ведомая Гиталовым, снова идет в путь. Только через два часа на поле появилась походная мастерская. Гиталов — так звали приехавшего механика — непонимающе посмотрел на работающих трактористов. Молодые водители

РАССКАЗ «Андрейка»

«СНОПЫ! Снопы! Снопы! Снопы!» Как дятел тукнет: по два ударчика. Но от них становилось вязко и неприятно во рту. Будто лизнул железом. Когда же бормотание сделалося криком, а рев голосов — нестерпимым, мальчик всхлинул во сне и проснулся.

Ничего. Тихая будильник. Все, как всегда. Сивоз слезы мальчик счастливо засмеялся и сладко потянулся в тепле — ножка чуть затекла. Но что это мучило его? Он не сразу понял, что он тут, в комнате. И вдруг увидел. Пылающий, красный огонь. На столе остались стоять неподвижно стакан чая. И теперь он горел красным огнем.

Грохотнула дверь, кожа лба коснулась холода. — Петя, ты? Печечка! Шепот матери. Не шепот — вопль. Вопль шепотом. На стуле нет ее платья, чулок. — Я так боялся. Родной!

Отец шипнул: тише! — Ну, боюсь... Ребята спят? — Даже огня не зажигала. Как села, так и... Слава богу!

Мать шаркнула, словно оступилась, — верно, кинулась, объяла отца, тот заворчал — мальчик представил себе, какое у него нарочито-грубоватое, хитро-ласковое лицо.

— Чего ты? Чего, Маша? Ох, ты! Отец завозился в чулане, осторожно чем-то брякнул. И крик матери — крик шепотом: — Петя!

— Детей побудили! Я на пять минут заснул, чтобы ты ничего не подумала. Взять тут надо. А через час вернусь — и все. Ты ложись. Буду через час, понимаешь?

Куда же ты идешь? Отец сказал своего ответа: — Стрела Семеновна, не видишь? К амбару подбирались.

— К тому хлебу, что по приказу товарища Ленина! — Для Москвы хлеб. Для Поволжья. Для ребят голодных. Гады, — сказал отец, — гады.

Стукнула — отцовский наган, сооразил мальчик. Теперь он пошел — в комнату светлее обычного. Неживой свет сочился сквозь щель в ставне. Гурьба тусклых искорок совала по известке стены у низкого потолка. Мальчик принялся следить за ними.

Посыпался сон новых искр, и тотчас долетел — а может, просто угадал мальчик? — взрыв, рев голосов. И то слышалось, то ли тоже чудились четкие и далекие удары. Удар и отзвон. И вот оно! Это двояло их? «Снопы! Снопы! Снопы!» — внезапно вспомнил мальчик.

И он лежал совсем тихо, прислушиваясь к тому страшному делу, что вершилось снаружи, в ледяной мгле, за краем земли, где стояла Семеновна, которую до того он знал лишь по имени, из разговоров взрослых, и чей неживой свет увидел сейчас, когда с ней случилось это было, тем крепче сцепил он зубы, лежа с широко открытыми глазами, — и ни слезинки; вот такой он был наяву. Его старший брат и сестренка, прошлый месяц отнятая от груди, спали.

ВСТРЕЧИ, БЕСЕДЫ, ДИСКУССИИ...

Международный студенческий семинар

В ОДНОЙ из аудиторий географического факультета Московского университета третий день работы международного студенческого семинара. Студенты, руководители и представители национальных студенческих организаций знакомятся с постановкой высшего образования в Советском Союзе.

В день открытия семинара, 10 сентября, его участники прослушали доклад заместителя министра высшего и среднего специального образования СССР М. А. Прокофьева, проректора Ленинградского университета С. И. Тюльпанова и директора Московского государственного института М. Г. Чиликина.

Ход семинара сразу же увлек участников; после докладов были заданы десятки вопросов, обстоятельные ответы на которые заняли у докладчиков около полутора часов. Первый день работы семинара был для большинства его участников нелегким — некоторые лишь в этот день прибыли в Москву, проделав тысячи километров пути. Однако после окончания программы этого дня были организованы дополнительные организационные вопросы, касающиеся дальнейшей работы семинара.

Вчера участники семинара познакомились с жизнью и учебой студентов Московского университета имени М. В. Ломоносова, одного из старейших высших учебных заведений нашей страны. Утром они встретились с ректором университета академиком И. Г. Петровским. Во второй половине дня — с министром высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютинским.

Активное участие в международном студенческом движении в последние годы принимает молодежь колониальных стран и тех народов, которые недавно обрели национальную независимость. Это видно и на семинаре: здесь представляли Судана, Алжира, Пакистана, Индонезии, Сьерра-Леоне, Индии, Марокко и других стран Азии и Африки. Пятиклассники из стран Латинской Америки. На семинаре представлены студенческие организации стран народной демократии, западноевропейских государств, Японии. От советского студенчества в работе семинара участвуют посланцы ряда вузов Украины, Средней Азии, Ленинграда, Москвы.

Сегодня — день дискуссий. Внеприсутствия много интересных встреч, бесед, горячих споров.

На снимке: группа участников международного студенческого семинара. Фото А. Нилева

В. САФОНОВ

НА ПОРУКИ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

В той же городской прокуратуре Сталинска мы проматрировали другие дела, прекрасные судопроизводства в связи с тем, что подследственные взяты на поруки, и нам попадаются знакомые имя — Георгий Перелетов.

Об этом Перелетове мы уже читали в «Кузнешком рабочем» очерк М. Теплицкого, занимающий почти половину газетной странички. Стиль статьи можно определить как «героико-романтический». Эмоциям и рассуждениям автор отдает явное предпочтение перед фактами. Невнято передается суть преступления Перелетова, автор замечает, что в любой капиталистической стране человек за это попал бы «на каторгу» (?!), дитятой из горьковского «На дне» подтверждает, что тюрьма — это плохо, и наконец, сообщает, что судебное преследование против Перелетова возбуждено не будет, выражает уверенность в светлом будущем своего героя.

Теперь в кабинете городского прокурора, а после в беседе с районным прокурором М. А. Дубинской, когда происшедшее предстает без путанного освещения, картина рисуется совсем иной и, скажем прямо, довольно безрадостной.

Перелетов, приехавший в Сталинск на стройку, пошел на танцплощадку к девушке З. — товарищу по бригаде — и пригласил ее танцевать. З., которую все характеризуют как очень хорошего, честного и чистого человека, сначала пошла с ним, но увидев, что партнер пьян, отказалась дальше танцевать. Перелетов ударил З. по лицу, отошел, поговорил с друзьями, потом вернулся, второй раз ударил плачущую девушку, схватил за кофточку, разорвал ее.

Подлец — иначе человека, совершившего такие поступки, не назовешь, подлец, которого почему-то товарищи, находившиеся на танцплощадке, не наказали сразу.

Но, может быть, поворный эпизод, рассказанный выше, единственный в жизни Перелетова? Оказывается, нет. Совершенно недавно, 1 Мая нынешнего года, он безобразно напился, вывазая в пьяную драку. Бум выразили недоверие и сняли с должности бригадира.

И после этого хулиганского поступка на танцплощадке Перелетов не сразу ощутил раскаяние. Когда товарищи, слишком уж дружески, на наш взгляд, советовали ему: «Пойди извинись перед З., а то будет неприятности», — он только отмахивался: «Ничего, все уладится».

Лишь когда явственно возникла угроза преследования по закону, явилась «красавица».

Можно ли верить такому рассказу? И по существу только после вмешательства прокуратуры коллектив, наконец, хоть на словах вступился за девушку, сразу же взяв при этом Перелетова на поруки.

Достаточно ли морально силен, зрел такой коллектив, чтобы железной рукой одернуть, сдержать, если придется, наказывать хулигана?

НА ВСЕ ЭТИ вопросы хочется найти точный ответ.

В поисках этого ответа я захожу в Сталинский горком комсомола и спрашиваю инструктора орготдела Анатолия Яброва: читал ли он статью и как относится к делу Перелетова.

— Мы как раз вчера в горкоме говорили об этом, — отвечает Ябров.

Вопросы, которые мы задали Яброву, он ответил так: «Перелетов — это человек, который не знает, что такое ответственность. Он берет на поруки, а потом не отвечает за свои поступки. Это очень плохо».

Вопросы, которые мы задали Яброву, он ответил так: «Перелетов — это человек, который не знает, что такое ответственность. Он берет на поруки, а потом не отвечает за свои поступки. Это очень плохо».

Гиталов уже знал, кто-то ему рассказывал раньше, что трактористы здесь умеют лишь отключить мотор, а если уж отключился мотор, бегут к телефону, вызывают механика.

Они снисходительно помахивали, как колпачками в их тракторе это большой, высокий русский человек. — Пойдет твоя машина, — сказал Гиталов. — Гидравлика штука упрямая, но сговорится с ней можно и в Айове по-русски, — пытался он весело объяснить своим американским коллегам причину остановки трактора.

В глазах американских трактористов, добродушно реял искреннее восхищение. Они протягивали руки Гиталову, подбрасывая в воздух соломенные шляпы и громко кричали: — О кей, рашин.

Маленькая колонна, ведомая Гиталовым, снова идет в путь. Только через два часа на поле появилась походная мастерская. Гиталов — так звали приехавшего механика — непонимающе посмотрел на работающих трактористов. Молодые водители

Они снисходительно помахивали, как колпачками в их тракторе это большой, высокий русский человек. — Пойдет твоя машина, — сказал Гиталов. — Гидравлика штука упрямая, но сговорится с ней можно и в Айове по-русски, — пытался он весело объяснить своим американским коллегам причину остановки трактора.

В глазах американских трактористов, добродушно реял искреннее восхищение. Они протягивали руки Гиталову, подбрасывая в воздух соломенные шляпы и громко кричали: — О кей, рашин.

Маленькая колонна, ведомая Гиталовым, снова идет в путь. Только через два часа на поле появилась походная мастерская. Гиталов — так звали приехавшего механика — непонимающе посмотрел на работающих трактористов. Молодые водители

Они снисходительно помахивали, как колпачками в их тракторе это большой, высокий русский человек. — Пойдет твоя машина, — сказал Гиталов. — Гидравлика штука упрямая, но сговорится с ней можно и в Айове по-русски, — пытался он весело объяснить своим американским коллегам причину остановки трактора.

В глазах американских трактористов, добродушно реял искреннее восхищение. Они протягивали руки Гиталову, подбрасывая в воздух соломенные шляпы и громко кричали: — О кей, рашин.

Маленькая колонна, ведомая Гиталовым, снова идет в путь. Только через два часа на поле появилась походная мастерская. Гиталов — так звали приехавшего механика — непонимающе посмотрел на работающих трактористов. Молодые водители

Они снисходительно помахивали, как колпачками в их тракторе это большой, высокий русский человек. — Пойдет твоя машина, — сказал Гиталов. — Гидравлика штука упрямая, но сговорится с ней можно и в Айове по-русски, — пытался он весело объяснить своим американским коллегам причину остановки трактора.

В глазах американских трактористов, добродушно реял искреннее восхищение. Они протягивали руки Гиталову, подбрасывая в воздух соломенные шляпы и громко кричали: — О кей, рашин.

Маленькая колонна, ведомая Гиталовым, снова идет в путь. Только через два часа на поле появилась походная мастерская. Гиталов — так звали приехавшего механика — непонимающе посмотрел на работающих трактористов. Молодые водители

Они снисходительно помахивали, как колпачками в их тракторе это большой, высокий русский человек. — Пойдет твоя машина, — сказал Гиталов. — Гидравлика штука упрямая, но сговорится с ней можно и в Айове по-русски, — пытался он весело объяснить своим американским коллегам причину остановки трактора.

В глазах американских трактористов, добродушно реял искреннее восхищение. Они протягивали руки Гиталову, подбрасывая в воздух соломенные шляпы и громко кричали: — О кей, рашин.

Маленькая колонна, ведомая Гиталовым, снова идет в путь. Только через два часа на поле появилась походная мастерская. Гиталов — так звали приехавшего механика — непонимающе посмотрел на работающих трактористов. Молодые водители

Они снисходительно помахивали, как колпачками в их тракторе это большой, высокий русский человек. — Пойдет твоя машина, — сказал Гиталов. — Гидравлика штука упрямая, но сговорится с ней можно и в Айове по-русски, — пытался он весело объяснить своим американским коллегам причину остановки трактора.

В глазах американских трактористов, добродушно реял искреннее восхищение. Они протягивали руки Гиталову, подбрасывая в воздух соломенные шляпы и громко кричали: — О кей, рашин.

Маленькая колонна, ведомая Гиталовым, снова идет в путь. Только через два часа на поле появилась походная мастерская. Гиталов — так звали приехавшего механика — непонимающе посмотрел на работающих трактористов. Молодые водители

Они снисходительно помахивали, как колпачками в их тракторе это большой, высокий русский человек. — Пойдет твоя машина, — сказал Гиталов. — Гидравлика штука упрямая, но сговорится с ней можно и в Айове по-русски, — пытался он весело объяснить своим американским коллегам причину остановки трактора.

В глазах американских трактористов, добродушно реял искреннее восхищение. Они протягивали руки Гиталову, подбрасывая в воздух соломенные шляпы и громко кричали: — О кей, рашин.

Маленькая колонна, ведомая Гиталовым, снова идет в путь. Только через два часа на поле появилась походная мастерская. Гиталов — так звали приехавшего механика — непонимающе посмотрел на работающих трактористов. Молодые водители

вторая строфа сонета в предшествующих, дореволюционных переводах.

Перевод Н. Гербеля:

Когда душа моя печали сбросит гнет,
Не приходи вонзать мне в грудь шипы забот!

Пускай за ночь тьмой не следует венец,
Чтоб отдалить — не дать померкнуть солнцу счастья!

Ничего общего с Шенширом: «шипы забот», «солнце счастья», «гнет печали» — набор штампов. Шеншир предстает провинциальным эллигоном Идыова. Форма сонета распалась, переводчик рифмует как попало.

Перевод Модеста Чайковского:

Когда душа печали сбросит гнет,
О, не буди подавленную муку!
За бурей вслед пусть дождик не идет...
Не замедляй решенную разлуку...

Опять «печали гнет» плюс «не буди подавленную муку» вместо шеншировского образа «арьергарда побежденного гора», вместо «дождливого утра» — «дождик», вместо «замышленного поражения» — «решенная разлука».

Перевод Т. Щепкиной-Куперник:

Когда же властвовать печаль не будет мною,
Ты на меня тогда не напади тайком,
И туч не нагони — вслед за дождливым днем
Настигнув bureau нежданною ночью.

Это уже передел, сделанный доброжелательно. Чтобы «все уместилось», переводчица использовала не пятистопный, а шестистопный ямб. Это замедлило движение стиха, ослабило его энергию. Пожертвован, как и Маршак, «замышленным поражением», Щепкина-Куперник развила образ бурной ночи и дождливого утра. Она «уточнила» автора, решив этот образ в романтической манере: мелкие невзгоды — дождливый день, большая беда — ночная буря. Но переводчица не поняла высшую точность Шеншира: скорбь утра — нельзя сравнить с бурей, потому что буря диктует переводчика душе-

приказчиком, исполнителем воли автора. Его перевод ближе к подлиннику и в то же время он звучит свободно и естественно, как оригинальное стихотворение.

III.

Вот первый вариант перевода. Жирным шрифтом выделены слова и строки, не вошедшие в окончательную редакцию.

Когда мне врагом ты станешь, стань теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
А не последней каплей каплей горя,
Пусть будешь ты одною из потерь.

И если боль тьмой я превозмогу,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь дождливый утроб, утроб без отрады.
Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Рази сейчас, чтоб сразу я постиг,
На что я осужден судьбой своею.

Нет в мире бед, но есть одна беда —
Твоей любви лишиться навсегда.

Как мы видим, на бумаге уже в самой первой записи появились почти все строки, вошедшие потом в окончательную редакцию перевода, определявшие содержание и музыку русского стихотворения, которое называется «Из Вильяма Шеншира. Сонет 90».

В переводе тема утраты любви проявлена более четко, чем в оригинале. Прямо сказано: «твоей любви лишиться навсегда» (вместо «потери тебя»). Это уже не только перевод, но истолкование Шеншира.

Прилагательное «last» в переводе на русский язык может означать и «последний» и «последний»: оно не имеет грамматического рода. Можно, например, предположить, что «идет» от предательского друга. Как отмечает М. Морозов, в шеншировском эпосе «друзья и в любви был единый язык».

Во весь музыкальный и образный строй перевода, интонация, передающая оттенки чувства, убеждают нас в том, что Маршак считает эти стихи об-

Судьба девяностого сонета

МЫ ЧАСТО говорим о мастерстве отвлеченно. Однако куда интереснее на конкретном примере разобрать в чем состояла задача, какие трудности он встретил на пути к ее решению, как, какими средствами она была решена.

Мне хотелось написать о мастерстве Маршак. Нужно было взять у поэта черновики одного из его переводов, сравнить их друг с другом и с оригиналом, познакомиться с предшествующими переводами этого произведения.

В ответ на это предложение черновики Самуила Яковлевича самым категорическим тоном заявили: «Голубчик! Я не люблю, когда заглядывают в мои рукописи».

Пришлось быть настойчивым. Наконец, была размытана толстая папка, и я получил несколько помпезнейших от времени листов с черновиками перевода девяностого сонета Шеншира.

Я давно любил это печальное и гордое стихотворение:

Уж если ты разлюбишь, — так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре,
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!

И если скорбь дано мне превозмогу,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь дождливый утроб, утроб без отрады.
Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее.

Что нет невзгод, а есть одна беда —
Твоей любви лишиться навсегда.

На человека со всех сторон обрушились беды. А ему как будто этого мало.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
12 сентября 1959 г. № 113

ПИСАТЕЛЬ И ЖИЗНЬ

С глазу на глаз со зрителем...

Общие положения

КОГДА юноша приходит на производство, его первым делом спешат ознакомить с основными техникой безопасности. Почему же мы не поступаем подобно ему?

Техника БЕЗОПАСНОСТИ

Критическая БЕЗОПАСНОСТИ

(СОВЕТЫ МОЛОДЫМ)

Нужна гибкость!

Предположим, что у вас написана положительная рецензия на роман «После рассвета» из эпопеи «Накануне заката». Вот она:

«В романе любовно и многокрасочно выписаны глухие годы начала конца века. Читатель полюбился шестилетний шустрый мальчонка Сидорка в замыганной красной рубашонке, глазенками которого правдиво и реалистично показано, как бурно развивался промышленный капитализм с мая 1889 по февраль 1897 года и как количество рабочих только по десяти уездам Восточного Приуралья выросло за указанный период на 201.615 человек. Широкими мазками, ярко и глубоко изображены жестянички Терентий, впоследствии командр царского флота, дендедствующий поэт Анатолий Липовый, вдова Аграфена, отрывающаяся от пореформенной деревни, учительница Липовка, переходящая от либерализма к демократизму, конторщик Васютка, срастающийся с капитализмом...»

Но вот вступает в дело соображения техники безопасности. Предстоит тонкая и ажурная работа, если рецензия должна быть смутно-неопределенной.

Вот этот вариант:

«В романе недостаточно любовно и несколько мало-красочно выписаны глухие годы... Читатель остался отчасти равнодушным к судьбе шестилетнего Сидорки, глазенками которого подчас не вполне верно и в ряде моментов не полностью реалистично показано, как бурно развивался капитализм... На отдельных страницах узковатыми мазками, довольно неярко и местами не до конца глубоко изображены жестянички Терентий, учительница Липова...»

«О пользе оговорок»

Выступать первым с оценкой произведения не следует ни в коем случае. Но и последним выступать не стоит — это называется эпигонством. Выступать лучше всего где-то посредине, но уже тогда, когда мнение о книге окончательно определится. Все-таки, поскольку даже самое окончательное-рациональное мнение бывает подвержено изменениям, лучше как хвалить, так и ругать лучше оценивать сопровождая оговорками. Вот пример рецензии отрицательной с положительными оговорками:

«Бледноват дан образ председателя райисполкома Чебырка, формалиста. Тускловаты написаны страницы, рисующие, как молодой синеглазый агроном Тихон Чебура отказывается выполнить то-то и то-то, а формалист Чебырка настаивает, чтобы то-то и то-то было выполнено. Скуповато обрисован образ свинарника Луши, временно заставшейся и оторвавшейся (под влиянием Чебырка), но вовремя перестроившейся (под воздействием Чебуры). Итак, для повести характерны бедноватые человеческие характеры, сероватый язык, аляповатые детали и скудные живописные картины природы.»

Однако нельзя сказать, что все в песне не удалось автору. Некоторые второстепенные конфликты (линия взаимоотношений Луши и ее свинарником) решены достаточно многообразно. Иногда писатель проявляет художественный вкус в изображении личных взаимоотношений героев (поцелуй в кукурузе Тихона Чебуры и Луши). Местами радует свежая и сочная речевая характеристика (см. народный говор деда Крапивицы: «Тыше едешь, дальше будешь», «Цыплят по осени считают», «А Васка слушает да ест»).

«Вот пример рецензии положительной с отрицательными оговорками: «...Ярко, живо, сочно, точно дан образ кукурузы Никиты Смирнова, который смело вступает то-то и то-то в борьбе с временно исполняющим обязанности заместителя помощника директора по хозяйственной части Поцелуевым, карьеристом. Запомнилась рывковая сценка шестилетнего одного года, по протрону «жизнь литяни» которая на принципиальной основе выгоняет Поцелуева из цеха мелеткой. И так, для романа характерны полноразные, полнокровные характеры, полноценный, полноценный, полноценный язык, полноценные, полноценные детали...»

Однако не все в романе удалось автору. Некоторые второстепенные конфликты решены излишне прямолинейно (например, столкновение по поводу конических или сферических шайбочек, из которого несправедливо быстро выходят победителями сторонники сферических шайбочек). Иногда писатель изменяет художественный вкус в изображении личных отношений героев (поцелуй Никиты Смирнова и Наташи в кладовой для хранения мелкого инструмента). Местами огорчает бедная речевая характеристика (см. реплика предметного: «Товарищи, разрешите общее собрание считать открытым»).

Если вы разбираете роман о людях труда, то совершенно необходимо отметить оживление борьбы поет свозь строки, которые должны быть личными, а лирика слышится сквозь ожесточение.

Тема боя с судьбой достаточно разработана в масштабе всего перевода: это и «весь мир со мной в раздоре», и несущий большую нагрузку глагольный «превозможь», и «бурная (место ветреной) ночь», и, главное, совершенно «военная» строка: «Нельзя создать интересное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей. Нельзя создать содержательное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей.»

«Искусство было бы неполноценным, обедненным, обезобразным без образов людей, что может быть доказано на примерах из творчества Пауленко, Гессина, Андрея Рублева, Халифмана — автора известной книги из быта насеконца («Жизнь пчел») и Гете, автора популярного произведения из жизни животных («Рейнеке-лиса»)».

В результате подобной полемики возникают образцы заостренной публицистической критики. Темы полемических выступлений следует варьировать: «некоторые утверждают, что можно создать произведение без сюжета», «без диалога», «без подлежащего и сказуемого».

От автора

Инструкции по технике безопасности для начинающего критика пока что, увы, не существует. Я попробовала, исходя как из личной практики, так и из практики товарищей по перу, отчасти воспользовавшись опытом коллег, отчасти утесом предположениями для наших молодых критических кадров.

Нат. СОКОВА

О ДНАЖДЫ я встретился с Александром Евокимовичем Корнейчуком в фойе театра за несколько минут до начала премьеры его новой пьесы. Александр Евокимович, как мне показалось, словно забыл о предстоящем спектакле: его губы, — их так любит изображать автор «дружеских» шаржей, — улыбались спокойно. Он спросил меня о здоровье общих знакомых, внимательно выслушал ответ. Мне и в голову тогда не пришло, какого самообладания, какого внутреннего напряжения требовала эта улыбка.

На этот раз я увиделся с А. Е. Корнейчуком под Клевым, в Плотках на Днепре. Мы сидели на берегу. Александр Евокимович продолжал разговор, начатый нами еще дома.

«...То, на что романисту можно затратить и сорок печатных листов, драматург должен уложить в два с половиной. Таких ограничений не знает ни один вид искусства. И вообще прозаикам легче, чем драматургам. Если тираж разошелся, если о книге хорошо отзывалась пресса, можно считать, что все обстоит благополучно. Иное дело — драматург... Сцена — большая трибуна, и автор пьесы остается на ней с глазу на глаз со зрителем... Чем старше я становлюсь, тем больше возмущаюсь, по советам говоря, тем больше боюсь каждой своей премьеры. Знакомые могут в антракте с самой искренней улыбкой говорить, что им пьеса понравилась, что они считают постановку удачной. Но когда в зале гас свет, когда артисты произносят со сцены самые последние слова, — тогда я чувствую себя неуютно».

УВЛЕКЛИСЬ ВЫЧИТАНИЕМ...

(Письмо в редакцию)

Сотрудники кафедры русской литературы Тартуского государственного университета немало удивились, увидев расписание на новый, 1959—60 учебный год: из учебного плана филологического факультета исчез курс русской классической литературы.

Отныне специалисты по западноевропейскому языкам и литературе будут выходить из стен университета, не получив конкретного понятия о благодетельном воздействии русской литературы на развитие литературы западноевропейской, славянской и американской.

Мы понимаем необходимость изменить учебный план в связи с реформой школы. Но ведь составление нового расписания — это не простая задача на вычитание.

Неведомый (по записке «сократителей») будущим эстонским филологам Салтыков-Щедрин писал: «Увлекаюсь... подробностями, мы тераем из виду... об этих «общих перспективах», никогда не следует забывать. Обзорный курс русской литературы для «западников» необходимо, на наш взгляд, восстановить».

Вальмар АДАМС,
доцент Тартуского государственного университета ТАРТУ

раженными к женщине. В такой трактовке сонет Шекспира ближе сердцу русского читателя.

В самой музыке стиха чувствуется задушевность русской лирики:

Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром — утром без отрады.

В аллитерациях, в этих «у» и «р» слышны завывания и раскаты сначала бушующей, а потом уходящей буре, на смену которой придет сожаление об утраченной любви, но сожаление не унывающее-сдержанное, без надрыва, мужественно-стойкое, исполненная человечности и красоты.

В первоначальном варианте нашли место и судьба, и замысловатое его порождение («на что я осужден судьбой своей») и «врат», и завуалированное, как военный приказ, короткое «врази». Вместе с «засадой» в таком контексте и строки о том, что весь мир в раздоре с поэтом и что нужно превозмочь боль.

Английские слова короче русских. Что же Переводчик Маршак справился с этой трудностью, пожертвовав только незначительными частностями. Все поместилось! Зато у Маршака, судя по новым вариантам строчек, что возникало сверху, снизу, на уголке листа, при переписывании на другой лист, как будто бы не очень рад этим успехам Маршак-переводчика. Он отстраивает переводчика и работает над переводом, как над собственным стихотворением.

Вникая в черновики Маршака, мы как бы наблюдаем процесс самораскрытия замысла. Устраняется то, что мешает восприятию, все подчиняется свежести чувства и чистоте и определенности вкуса. Свежесть чувства и вкуса нельзя перевести с другого языка, даже с шекспировского, — ими нужно обладать.

Пусть будешь ты одною из потерь,
А в последней тяжелой каплей года;

В окончательной редакции мы читаем:

Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей года!

денные тобой после раздумий слова, а зрители в это время шевелятся и кашляют. — Знаю, что это место тебе не удалось, что бы ни говорили благожелательные к тебе товарищи, что бы ни написал рецензент...

— Но ведь бывает и наоборот? — возражал я. — Ведь бывает, что зрители аплодируют в месте, которое драматургу казалось проходящим, незначительным?

— Да, бывает. И в этом состоит одна из самых замечательных особенностей театра. Ни один, даже самый опытный, драматург никогда не сможет заранее сказать, как именно будет воспринята та или иная реплика в его пьесе и наоборот? — возражал я. — Ведь бывает, что зрители аплодируют в месте, которое драматургу казалось проходящим, незначительным?

«...То, на что романисту можно затратить и сорок печатных листов, драматург должен уложить в два с половиной. Таких ограничений не знает ни один вид искусства. И вообще прозаикам легче, чем драматургам. Если тираж разошелся, если о книге хорошо отзывалась пресса, можно считать, что все обстоит благополучно. Иное дело — драматург... Сцена — большая трибуна, и автор пьесы остается на ней с глазу на глаз со зрителем... Чем старше я становлюсь, тем больше возмущаюсь, по советам говоря, тем больше боюсь каждой своей премьеры. Знакомые могут в антракте с самой искренней улыбкой говорить, что им пьеса понравилась, что они считают постановку удачной. Но когда в зале гас свет, когда артисты произносят со сцены самые последние слова, — тогда я чувствую себя неуютно».

Разговор затронул тему, без которой сейчас, наверное, не обходится ни одна беседа об искусстве — о современности. По мнению Александра Евокимовича, ни для одного из жанров искусства не стоит так остро вопрос о связи с жизнью, как для драматургии.

— В последнее время в нашей прессе появились статьи, авторы которых, будто бы ратуя за усиление связи с жизнью, на деле пренебрегают этой связью, возможно неумышленно. Они твердят, что литературные произведения должны быть современными, но не злободневными. А почему мы должны бояться «злобы дня»? Ведь «злоба дня» — это и есть то, что волнует сегодня народ, то, на что устремлены усилия миллионов людей. И разве не честь для писателя помочь в решении этих злободневных вопросов?

— Те, кто чурается злободневности, — продолжает Александр Евокимович, — в доказательство своей правоты часто приводят слабые, неудачные, конъюнктурные произведения, каких у нас, к сожалению, еще немало. Но они никогда не приводят в пример слабых, неудачных произведений, которых также немало, или, вернее, намного больше, написанных на темы, очень далекие от сегодняшней жизни. Об этом они предпочитают стыдливо умалчивать. Однако вернемся к вопросу о злободневности... А как же быть с Маяковским, произведения которого были столь злободневны? Как быть с классиком, скажем, с Мольером, с Бомарше и со многими другими старыми и современными писателями? Горько ошибаются литераторы и художники, которым кажется, что их творениям обеспечено бессмертие, если они отбрасывают злободневную тему, если они избирают предмет своего творчества вопросы, далекие от современной жизни, или такие, что волнуют не миллионы людей, а дают эстетическое наслаждение узкому кругу «избранных». Большую жизнь произведения искусства нужно искать в другом — в решении важнейших, центральных проблем жизни, в верности правде жизни, в народности художественного произведения. А народность предусматривает прежде всего глубокую, органическую связь с современностью. Этим и объясняется постоянный горючий, живой интерес читателей к современной теме.

— Но ведь в истории искусства бывало, что какое-то произведение не находило сразу своего читателя, зрителя, и только со временем становилось популярным его истинная ценность... — Конечно, бывали и такие случаи. Но не следует выдавать эти случаи за правило, особенно в нашей стране, где книга имеет читателей больше, чем где-либо в мире, где у кино, у театра самый массовый, самый взыскательный и культурный зритель. К сожалению, в этом отношении у нас иногда допускается удивительная непоследовательность. Если критику художественное произведение не понравилось, показало ему неудачным, он, «подтверждая» себя, говорит: «Народ не принимает этого спектакля...», «этот сборник стихов не читается...». Если же критику пьеса понравилась, а спектакль все-таки провалился, или если роман произвел на него большое впечатление, а роман все-таки не читают, то критик тут же делает безапелляционный вывод: «Это произведение настолько глубоко и сложно, что народ его еще не понимает, нужно проводить воспитательную работу...» Конечно, среди читателей и зрителей немало есть людей с отсталыми, мешающими вкусами. Вкусы нужно воспитывать. Но в целом, если народ «не смотрит», «не читает», то следует винить автора и его произведение, а не зрителя, читателя.

— Но вот руководители некоторых театров жалуются на то, что зрители сейчас плохо посещают спектакли Гоголя, Островского, Горького. — Я в это не верю. Плохо посещают те спектакли, которые сделаны ремесленно-холодными руками, или те спектакли, которые идут много лет из года в год, утрачивая свежесть, а их не обновляют, или вводят новых исполнителей без подготовки, без репетиций... Возьмите такие постановки, как «Плоды просвещения» в Художественном театре, «Власть тьмы» в Малом, «Гамлет» в Театре имени Маяковского, «Король Лир» в Театре имени Франко. Не случаются на эти спектакли трудно достать билеты. Новая постановка старой пьесы должна быть лучшей, чем прежняя. Вот тогда работникам театра не придется жаловаться на зрителей.

Александр Евокимович хмурится. Это один из вопросов, которые его, видимо, особенно беспокоят.

— Конечно, — говорит он, — драматургу бывает обидно сознаваться в том, что он написал вещь слабую. Тогда он пытается утешить себя тем, что мол, и на спектаклях Островского или Карпенко-Карого нет аншлагов. При этом он не хочет думать о том, что Островского или Карпенко-Карого плохо поставили, а к его пьесе зритель равнодушен потому, что требует от современного драматурга более крупных идей, более глубоких образов.

Корнейчук категорически возражает против бытующего среди некоторых критиков мнения об отставании театра от других видов искусства. Он говорит, что современная советская пьеса дает самые большие сборы, что для советского театра пишут пьесы замечательные драматурги, имена которых знают миллионы людей. В последнее время у нас появились такие талантливые, такие интересные молодые драматурги, как Розов, который отличается свежим, ярким голосом, Зарудный и другие.

— Нужно, чтобы театры уносились свою связь с драматургией, — продолжает Александр Евокимович, — крепкие и полдерзкие, были бы искренними, настоящими товарищами в общем трудовом деле.

— Среди некоторой части театральных деятелей существует мнение, что для удачения совместной работы театра и драматурга каждый автор должен быть связан с каким-то одним определенным театром... — Нет, я не могу с этим согласиться. Мне кажется, что такая связь драматурга с одним театром может быть оправдана только в классовом обществе, где между театрами идет постоянная идейная борьба. В наших условиях такое распределение выглядело бы искусственным и сузило бы возможности как драматургов, так и театров. Но вот чтобы драматург глубже изучал законы сцены, чтобы

Понятие «подтекст» необходимо даже для формального анализа, но пользоваться им следует осторожно, чтобы не допустить произвольных толкований. Написать отличные стихи на родном языке, но так, чтобы они оставались при этом отличным переводом, — вот задача поэта-переводчика. В этих стихах как и в оригинале, будет собственный подтекст. При этом в текст перевода может войти то, что не будучи названным, присутствует в оригинале. А то, что прямо названо в тексте подлинника, может уйти в подтекст перевода.

Работа с двумя подтекстами, своим и авторским, дает переводчику возможность, соблюдая волю автора, в то же время проявить и собственную волю, выразить, не отходя от подлинника, свой вкус, свое мироощущение, свою личность, свое время. Для этого, конечно, нужен большой такт, иначе стихотворение не будет переводом.

Как уже отмечено, Шекспир дважды назвал в сонете слово «судьба». Маршак от этого слова отказался. В подлиннике нет слова «любовь», а в переводе есть и «любовь» и «разлюбовшись». Переводчик мог бы без особого труда ввести «судьбу» и не вводить «любовь», но это было бы насильем над собой. Ведь стихи были менее совершенными, пока Маршак не нашел «уж если ты разлюбовшись». Механические и органические в поэзии несоответствия.

Да, чувство, которым проникнут сонет Шекспира, в подлиннике не названо. «Возненавидь же меня», — начинает Шекспир. «И прочие виды горя, которые сейчас кажутся горем, по сравнению с потерей твоей перестанут им быть», — так заканчивается сонет. Что же означает в этой связи «потерь твой»? Ясно же, что речь идет не о смерти. Любимый человек будет потерян, когда его чувство к поэту сменится ненавистью. Значит, «самое худшее, что может причинить мощь судьбы», — это потеря чувства, противоположного ненависти. «Возненавидь же меня», — так можно обратиться только к любимому человеку. Значит,

...нет невгод, а есть одна беда —
Твоей любви лишиться навсегда.

он был ближе знаком с режиссерами, — полагаю, это очень нужно. Следует осуществить такую связь и между театром и критиком. Нужно, чтобы критика с такой же глубиной, с какой они занимаются историей театра, взялась за анализ современного театрального искусства, помогали театральному коллективу искать интересные репертуры, в котором наиболее ярко раскрылись актерские дарования.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Как всегда, — над пьесой. Я закончил ее в этом году. Мне хочется рассказать в своей пьесе о наших современных людях, о людях, а бы сказал, особой активности, людях, исполненных сознания своей ответственности перед всем миром за мир и счастье человечества, за его будущее. Я плохо умею рассказывать о том, что пишу...

Разговор переходит к вопросу, который меня всегда особенно интересует, — к вопросу о «технике» писательского труда.

— Мне пишется трудно, — говорит Александр Евокимович. — Просиживая за столом долгие часы, но бывает так, что на листе бумаги, который лежит передо мной, так и не появляется ни строки. Но это меня не пугает. Я больше боюсь того, что пишется слишком легко. Раз пишется очень легко, — значит ты идешь по пути наименьшего сопротивления. И мне не раз случалось выбрасывать многие страницы, которые черчерч легко писались... Но все-таки, хоть и бывает трудно, я считаю, что писать нужно много. Нужно обязательно издавать или ставить все, что ты написал... Посмотрите на поляны библиотек. Посмотрите, как много было написано нашими замечательными предшественниками. А ведь работали они часто в более трудных условиях, чем наши современники...

Корнейчук пишет пьесу о людях особой активности, об участниках строительства коммунистического общества, а я думаю, что сам он — молодой, увлекательный, убежденный — является воплощением этой активности, активности советского человека, писателя, борца за мир.

Владимир КИСЕЛЕВ

Содержество братских литератур

В НЫНЕШНЕМ году в Азербайджане решено провести Недельку узбекской литературы. Гости из Узбекистана посетят крупный промышленный центр Сумгаит, побывают у нефтяников Али-Байрамлинского района, у словодов Кучби. Вместе с поэтами из Азербайджана они проведут литературные вечера и читательские конференции. На экранах республик будут демонстрироваться узбекские кинофильмы. Выйдут в свет на азербайджанском языке произведения Ш. Рашидова, А. Каххара, Айбена и большой сборник стихов узбекских поэтов.

ВКУ. (Наш корр.)

Перевод точен и естествен. Подтекст определяющих строк сонета выявлен убедительно. Но для стихотворения, если оно развивается как живой организм, не безразлично, названо или не названо такое ответственное слово, как «любовь». Так и в жизни. Объяснение в любви будет звучать и строится по-разному, если в нем произнесено или по какой-то причине не произнесено слово «любовь». Введение отвлеченного понятия «любовь» потребовало в переводе четкой разработки всей образно-музыкальной темы утраты любви.

Если утрата любви воспринимается, как последняя потеря, то вряд ли горе станет намного сильнее, когда вас не просто разлюбят, а возненавидят. Это уже частности. Слова подлинника «возненавидь же меня» или черновое «коль мне врагом ты станешь» становятся неограниченными. Теперь единственно возможен только один вариант: «уж если ты разлюбил».

Маршак, отходя от текста, ни разу не отошел от подтекста оригинала. Образно-музыкальная тема борьбы с судьбой в подлиннике развита настолько, что даже обращения в любовь прознаны «воинскими» терминами. Все, кроме одного.

Подлинник: Если ты оставишь меня, не будь последней из оставшихся... Перевод: Оставь меня, но не в последний миг.

У Шекспира здесь открыто, раздумно, без военных команд звучит музыкальная тема любви, которая дорога переводчику. Строка перевода даже более повелительна и воинственна, чем в оригинале. Два поэта через преграды времени и пространства как бы переключаются друг с другом, сообщая, что они друг друга понимают.

VI. Маршак сознает, что, выжив одну тему из подтекста, он должен ввести другую в значительной мере в подтекст, чтобы не нарушить соразмерности целого и быть верным музыке оригинала. Основа этой музыки в том, что

ожесточение борьбы поет свозь строки, которые должны быть личными, а лирика слышится сквозь ожесточение.

Тема боя с судьбой достаточно разработана в масштабе всего перевода: это и «весь мир со мной в раздоре», и несущий большую нагрузку глагольный «превозможь», и «бурная (место ветреной) ночь», и, главное, совершенно «военная» строка: «Нельзя создать интересное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей. Нельзя создать содержательное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей.»

«Искусство было бы неполноценным, обедненным, обезобразным без образов людей, что может быть доказано на примерах из творчества Пауленко, Гессина, Андрея Рублева, Халифмана — автора известной книги из быта насеконца («Жизнь пчел») и Гете, автора популярного произведения из жизни животных («Рейнеке-лиса»)».

В результате подобной полемики возникают образцы заостренной публицистической критики. Темы полемических выступлений следует варьировать: «некоторые утверждают, что можно создать произведение без сюжета», «без диалога», «без подлежащего и сказуемого».

От автора

Инструкции по технике безопасности для начинающего критика пока что, увы, не существует. Я попробовала, исходя как из личной практики, так и из практики товарищей по перу, отчасти воспользовавшись опытом коллег, отчасти утесом предположениями для наших молодых критических кадров.

Нат. СОКОВА

Тема боя с судьбой достаточно разработана в масштабе всего перевода: это и «весь мир со мной в раздоре», и несущий большую нагрузку глагольный «превозможь», и «бурная (место ветреной) ночь», и, главное, совершенно «военная» строка: «Нельзя создать интересное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей. Нельзя создать содержательное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей.»

«Искусство было бы неполноценным, обедненным, обезобразным без образов людей, что может быть доказано на примерах из творчества Пауленко, Гессина, Андрея Рублева, Халифмана — автора известной книги из быта насеконца («Жизнь пчел») и Гете, автора популярного произведения из жизни животных («Рейнеке-лиса»)».

В результате подобной полемики возникают образцы заостренной публицистической критики. Темы полемических выступлений следует варьировать: «некоторые утверждают, что можно создать произведение без сюжета», «без диалога», «без подлежащего и сказуемого».

От автора

Инструкции по технике безопасности для начинающего критика пока что, увы, не существует. Я попробовала, исходя как из личной практики, так и из практики товарищей по перу, отчасти воспользовавшись опытом коллег, отчасти утесом предположениями для наших молодых критических кадров.

Нат. СОКОВА

Тема боя с судьбой достаточно разработана в масштабе всего перевода: это и «весь мир со мной в раздоре», и несущий большую нагрузку глагольный «превозможь», и «бурная (место ветреной) ночь», и, главное, совершенно «военная» строка: «Нельзя создать интересное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей. Нельзя создать содержательное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей.»

«Искусство было бы неполноценным, обедненным, обезобразным без образов людей, что может быть доказано на примерах из творчества Пауленко, Гессина, Андрея Рублева, Халифмана — автора известной книги из быта насеконца («Жизнь пчел») и Гете, автора популярного произведения из жизни животных («Рейнеке-лиса»)».

В результате подобной полемики возникают образцы заостренной публицистической критики. Темы полемических выступлений следует варьировать: «некоторые утверждают, что можно создать произведение без сюжета», «без диалога», «без подлежащего и сказуемого».

От автора

Инструкции по технике безопасности для начинающего критика пока что, увы, не существует. Я попробовала, исходя как из личной практики, так и из практики товарищей по перу, отчасти воспользовавшись опытом коллег, отчасти утесом предположениями для наших молодых критических кадров.

«Искусство было бы неполноценным, обедненным, обезобразным без образов людей, что может быть доказано на примерах из творчества Пауленко, Гессина, Андрея Рублева, Халифмана — автора известной книги из быта насеконца («Жизнь пчел») и Гете, автора популярного произведения из жизни животных («Рейнеке-лиса»)».

В результате подобной полемики возникают образцы заостренной публицистической критики. Темы полемических выступлений следует варьировать: «некоторые утверждают, что можно создать произведение без сюжета», «без диалога», «без подлежащего и сказуемого».

От автора

Инструкции по технике безопасности для начинающего критика пока что, увы, не существует. Я попробовала, исходя как из личной практики, так и из практики товарищей по перу, отчасти воспользовавшись опытом коллег, отчасти утесом предположениями для наших молодых критических кадров.

Нат. СОКОВА

Тема боя с судьбой достаточно разработана в масштабе всего перевода: это и «весь мир со мной в раздоре», и несущий большую нагрузку глагольный «превозможь», и «бурная (место ветреной) ночь», и, главное, совершенно «военная» строка: «Нельзя создать интересное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей. Нельзя создать содержательное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей.»

«Искусство было бы неполноценным, обедненным, обезобразным без образов людей, что может быть доказано на примерах из творчества Пауленко, Гессина, Андрея Рублева, Халифмана — автора известной книги из быта насеконца («Жизнь пчел») и Гете, автора популярного произведения из жизни животных («Рейнеке-лиса»)».

В результате подобной полемики возникают образцы заостренной публицистической критики. Темы полемических выступлений следует варьировать: «некоторые утверждают, что можно создать произведение без сюжета», «без диалога», «без подлежащего и сказуемого».

От автора

Инструкции по технике безопасности для начинающего критика пока что, увы, не существует. Я попробовала, исходя как из личной практики, так и из практики товарищей по перу, отчасти воспользовавшись опытом коллег, отчасти утесом предположениями для наших молодых критических кадров.

Нат. СОКОВА

Тема боя с судьбой достаточно разработана в масштабе всего перевода: это и «весь мир со мной в раздоре», и несущий большую нагрузку глагольный «превозможь», и «бурная (место ветреной) ночь», и, главное, совершенно «военная» строка: «Нельзя создать интересное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей. Нельзя создать содержательное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей.»

«Искусство было бы неполноценным, обедненным, обезобразным без образов людей, что может быть доказано на примерах из творчества Пауленко, Гессина, Андрея Рублева, Халифмана — автора известной книги из быта насеконца («Жизнь пчел») и Гете, автора популярного произведения из жизни животных («Рейнеке-лиса»)».

В результате подобной полемики возникают образцы заостренной публицистической критики. Темы полемических выступлений следует варьировать: «некоторые утверждают, что можно создать произведение без сюжета», «без диалога», «без подлежащего и сказуемого».

От автора

Инструкции по технике безопасности для начинающего критика пока что, увы, не существует. Я попробовала, исходя как из личной практики, так и из практики товарищей по перу, отчасти воспользовавшись опытом коллег, отчасти утесом предположениями для наших молодых критических кадров.

Нат. СОКОВА

Тема боя с судьбой достаточно разработана в масштабе всего перевода: это и «весь мир со мной в раздоре», и несущий большую нагрузку глагольный «превозможь», и «бурная (место ветреной) ночь», и, главное, совершенно «военная» строка: «Нельзя создать интересное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей. Нельзя создать содержательное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей.»

«Искусство было бы неполноценным, обедненным, обезобразным без образов людей, что может быть доказано на примерах из творчества Пауленко, Гессина, Андрея Рублева, Халифмана — автора известной книги из быта насеконца («Жизнь пчел») и Гете, автора популярного произведения из жизни животных («Рейнеке-лиса»)».

В результате подобной полемики возникают образцы заостренной публицистической критики. Темы полемических выступлений следует варьировать: «некоторые утверждают, что можно создать произведение без сюжета», «без диалога», «без подлежащего и сказуемого».

От автора

Инструкции по технике безопасности для начинающего критика пока что, увы, не существует. Я попробовала, исходя как из личной практики, так и из практики товарищей по перу, отчасти воспользовавшись опытом коллег, отчасти утесом предположениями для наших молодых критических кадров.

Нат. СОКОВА

Тема боя с судьбой достаточно разработана в масштабе всего перевода: это и «весь мир со мной в раздоре», и несущий большую нагрузку глагольный «превозможь», и «бурная (место ветреной) ночь», и, главное, совершенно «военная» строка: «Нельзя создать интересное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей. Нельзя создать содержательное (подчеркнуто нами) произведение без образов людей.»

«Искусство было бы неполноценным, обедненным, обезобразным без образов людей, что может быть доказано на примерах из творчества Пауленко, Гессина, Андрея Рублева, Халифмана — автора известной книги из быта насеконца («Жизнь пчел») и Гете, автора популярного произведения из жизни животных («Рейнеке-лиса»)».

В результате подобной полемики возникают образцы заостренной публицистической критики. Темы полемических выступлений следует варьировать: «некоторые утверждают, что можно создать произведение без сюжета», «без диалога», «без подлежащего и сказуемого».

От автора

Инструкции по технике безопасности для начинающего критика пока что, увы, не существует. Я попробовала, исходя как из личной практики, так и из практики товарищей по перу, отчасти воспользовавшись опытом коллег, отчасти утесом

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ И УСПЕХА!

Люди доброй воли приветствуют поездку Н. С. Хрущева в Америку

ПУСТЬ СОСТОИТСЯ ИСКРЕННИЙ РАЗГОВОР!

Я ДУМАЮ, что все, кому дорог мир, радуется предстоящей встрече президента США и г-на Никиты Хрущева. Контакты, устанавливаемые лично и на высшем уровне государственными деятелями, которые руководят двумя крупнейшими державами в мире, могут лишь привести к ослаблению международной напряженности, способствовать взаимопониманию и создать основы для укрепления мира во всем мире.

Считаю возможным напомнить, что лично я всегда стремился способствовать сближению между государствами как во время моего пребывания в составе правительства, так и в моей политической и парламентской деятельности.

В 1955 году, когда я был премьер-министром Франции, я проявил инициативу в союзе Женевского совещания глав четырех великих держав. Эта встреча отвечала надеждам народных масс и трудящихся всего мира; в ней видели тогда первый шаг к окончанию «холодной войны», и в те дни родилась термин «дух Женевы». Затем продолжилось в этом направлении приостановилось на несколько лет. Желательно, чтобы теперь оно было возобновлено.

В соответствии с духом Женевы я все последние годы не переставал желать созыва нового совещания на высшем уровне, которое покончило бы с недоразумениями и подготовило бы для дальнейшего сотрудничества между народами. Мы надеемся, что вопрос о созыве совещания на высшем уровне будет разрешен в результате недавнего Женевского совещания министров иностранных дел. Думаю, что в ожидании такого решения мы должны приветствовать поездку господина Хрущева в Советский Союз и возлагать на эти встречи самые оптимистические надежды. Тем не менее открывающиеся перспективы, как бы они ни были инте-

Эдгар ФОР,
Французский политический деятель,
бывший премьер-министр Франции

состоялось вскоре после ожидаемых встреч.

Как французский политический деятель я хотел бы, чтобы Франция участвовала в такой конференции и могла бы играть роль, соответствующую ее миротворческой миссии, либеральным традициям и гуманистическому духу. Представленный мною в 1955 году французский план по вопросам оказания помощи слаборазвитым странам и разоружения был одобрен встречами общественным мнением. К тому же г-н Хрущев особо упоминал о нем в одном из своих интервью 1958 года. В последнее время президент Французской республики генерал де Голль несколько раз подчеркивал необходимость соглашения между великими державами Востока и Запада о помощи экономически отсталым странам.

Пора покончить с «холодной войной», гонимой вооружений и использовать ресурсы наиболее развитых в промышленном отношении стран для облегчения участи страждущего человечества! Нет никаких причин для антагонизма между народами, принявшими экономическую систему, основанную на коллективной собственности, и странами, где сохранилась экономическая строй, базирующаяся на свободном частном предпринимательстве или же смешанных экономических формах. Наши народы и наши правительства желают мира, а угроза войны возникает чаще всего как следствие недоразумений и взаимного непонимания, которые нужно рассеять.

Необходимо использовать все возможности для того, чтобы состоялся искренний и лояльный разговор между главами великих держав. Вот почему мы приветствуем намеченные встречи и желаем созыва нового совещания на высшем уровне — совещания, которое станет важной вехой в истории современного человечества.

Париж, сентябрь

ресны, не могут замечать совещание на высшем уровне. Мне представляется желательным, чтобы оно состоялось вскоре после ожидаемых встреч.

Как французский политический деятель я хотел бы, чтобы Франция участвовала в такой конференции и могла бы играть роль, соответствующую ее миротворческой миссии, либеральным традициям и гуманистическому духу. Представленный мною в 1955 году французский план по вопросам оказания помощи слаборазвитым странам и разоружения был одобрен встречами общественным мнением. К тому же г-н Хрущев особо упоминал о нем в одном из своих интервью 1958 года. В последнее время президент Французской республики генерал де Голль несколько раз подчеркивал необходимость соглашения между великими державами Востока и Запада о помощи экономически отсталым странам.

Пора покончить с «холодной войной», гонимой вооружений и использовать ресурсы наиболее развитых в промышленном отношении стран для облегчения участи страждущего человечества! Нет никаких причин для антагонизма между народами, принявшими экономическую систему, основанную на коллективной собственности, и странами, где сохранилась экономическая строй, базирующаяся на свободном частном предпринимательстве или же смешанных экономических формах. Наши народы и наши правительства желают мира, а угроза войны возникает чаще всего как следствие недоразумений и взаимного непонимания, которые нужно рассеять.

Париж, сентябрь

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МИРЕ

КАК ИЗВЕСТНО, Советский Союз ни разу не выступил в роли агрессора против стран Запада. По атому страх, который Стаал (он, вероятно, испытывал его совершенно искренне) и другие политические деятели, а также — увы! — служители первья безуспешно пытались внушить народу, теперь почти совсем исчер. Забывания перестали действовать, фiasco больше не горит...

Внушительные достижения Советского Союза в области науки, закуск спутников и т. д. немало способствовали успешному вооруженному походу сторонников войны. В самом деле, в политике США, которая при Даллесе строилась на надежде победить СССР, теперь оживает верх новой линия: стремление вообще избежать войны. Таким образом, вооружение Германии не только перестает быть необходимостью, но, наоборот, превращается в основное препятствие, мешающее сближению Советского Союза со странами Запада.

Наконец, вспоминая ужасы войны, концентрационные лагеря, разрушения, страдания, испытанные народами странами и особенно Польшей и Советским Союзом, народ Бельгии приходит к справедливому выводу: он не хочет больше избежать войны. Таким образом, вооружение Германии не только перестает быть необходимостью, но, наоборот, превращается в основное препятствие, мешающее сближению Советского Союза со странами Запада.

Таков новый климат международной обстановки. Интерес к Советскому Союзу; огромная надежда на возможность мирной договоренности; и даже в известной мере радостное возбуждение. Разнообразные контакты, которые русские и американцы пропагандировали в последние годы (обмен студентами, профессорами, представителями деловых кругов, политическими деятелями, артистами, багетными трупами, фильмами), на деле послужили сближению народов.

Конечно, препятствия еще существуют, но их опасность наполовину уменьшилась, поскольку они стали более отчетливо видны. Если, например, Америка хочет улучшить отношения с Африкой и малоразвитыми странами, чтобы пометать им — если только это не поздно — «попасть под влияние Москвы», Эйзенхауэр не может поддерживать политику де Голля (или его окружения) в Алжире — политику подчинения Алжира Франции против воли алжирского народа.

Другое важнейшее препятствие — Германия Аденауэра с ее ревизионистскими претензиями на территории в Польше. Если Америка хочет дальнего мира и ослабления напряженности в отношениях с Советским Союзом, она должна прекра-

Антуан АЛЛАР,
член Всемирного Совета Мира,
бельгийский общественный деятель

туть вооружение Западной Германии и, в первую очередь, вооружение ее атомным оружием.

В переговорах Эйзенхауэра с Хрущевым главная задача, думаю, будет состоять в том, чтобы исключить всякую возможность германской агрессии. Теперь СССР и США могут договориться по этому вопросу, и это меняет всю европейскую политику и политику НАТО.

Малые страны без всякого энтузиазма относятся к идее создания «третьей силы» в Европе, которую пропагандирует де Голль, ибо Франция, исполненная решимости, но менее сильная, чем Германия, не могла бы помешать германской гегемонии, которую нам пытались навязать Гитлер. А мы ни при каких условиях не желаем Европы, подчиненной Германии.

К какой из двух сторон — к Советскому Союзу или к Соединенным Штатам — испытывают большее доверие четверть населения земного шара? Что касается этих три четверти населения? Двух вещей: независимости и повышения жизненного уровня. Из этих двух вещей самой важной они считают независимость. До сих пор больше всех других государств им помогал Советский Союз. Вероятно, и в дальнейшем именно Советский Союз будет им помогать больше всех.

Соединенные Штаты могут помочь повышению жизненного уровня, могут дать или предоставить в долг этим странам то, в чем они нуждаются. Но: Советский Союз помогает им строить их собственные фабрики на их территории.

Советский Союз приглашает к себе учиться многочисленных представителей местных национальных кадров. Он посылает в эти страны своих инженеров.

Принимая во внимание все сказанное, я предлагаю рост влияния СССР в отсталых в промышленном отношении государствах. И одновременно я вижу в этом залог укрепления мира и благосостояния народов, если мы, западноевропейские страны, вовремя зайдем правильную позицию и не станем мешать движению истории.

Брюссель, сентябрь

В РАСШИРЕНИЕ советско-китайской дружбы большой вклад вносят писатели обеих стран. С каждым годом все шире развиваются культурные и литературные связи между нашими народами, с каждым годом эти связи приобретают все больший размах. Они давнее стали традиционными, и мы так же, как и наши китайские друзья, постоянно испытываем потребность обогащать себя все новыми и новыми знаниями о стране-друге. Огромную роль в этом играет слово наших писателей, их книги, личные контакты.

Сегодня мы знакомим читателей с рядом писем советских и китайских писателей. Большая часть из этих писем публикуется впервые.

Цзоу Тао-фэнь — А. М. Горькому

(МОСКВА, 26 июля 1934 г.)

Дорогой товарищ Горький!

Ваш почтительный из далекого Китая, где разгорается настоящая революционная борьба за интересы трудящихся масс.

Прежде чем объяснять, что побудило меня написать письмо к Вам, я думаю, будет небесполезно, хотя бы бегло, в общих чертах, рассказать Вам о себе. Восемь лет тому назад я был приглашен в качестве главного редактора в журнал «Life Weekly». Журнал повествовал о деле пропаганды социализма в Китае и сочувствовал советскому движению в Китае. Работу приходилось вести самыми различными, часто замаскированными путями, так как журнал издавался в Шанхае, где особенно безудержно свирепствует белый террор.

Уехал из Китая год тому назад и все это время путешествовал по Европе. В Москву я прибыл двадцатью. С большим интересом и удовольствием я посетил первую страну социализма.

Счастлив сообщить Вам о том, что я написал на китайском языке Вашу биографию, которая вышла из печати в июле прошлого года и чрезвычайно популярна в Китае. Молодое революционное поколение очень интересуется Вашей жизнью и творчеством.

Вчера я с радостью узнал о том, что Вы сейчас в Москве. Я буду очень признателен и сотну за большую честь, если Вы согласитесь принять меня. А я, со своей стороны, мог бы вручить Вам Вашу биографию на китайском языке, которую я привез с собою. Я не думаю, что Вы сможете прочитать ее, но полагаю, что Вам будет интересно взглянуть на нее и иметь у себя книгу, принесенную в дар одним из Ваших искренних почитателей из далекой страны. Я знаю, как много времени отнимает у Вас Ваша литературная работа, а потому прошу лишь о самом коротком свидании. Если моя просьба встретит у Вас благожелательный отклик, будьте так добры сообщить мне, где и когда я могу поговорить с Вами.

В заключение прошу у Вас извинения за то, что пишу это письмо по-английски. К сожалению, я не знаю русского языка, а китайские письма трудно понять иностранцу. Но я надеюсь, что Ваш секретарь переведет Вам это письмо.

С наилучшими пожеланиями, искренне преданный Вам

Ансон ЦЗОУ

Письмо публикуется на русском языке впервые по оригиналу, хранящемуся в архиве А. М. Горького Института мировой литературы АН СССР.

1 Цзоу Тао-фэнь (1895—1944 гг.) — прогрессивный китайский журналист и критик.
2 Китайский журнал «Жизнь» («Life Weekly») — прогрессивный журнал, издававшийся в Шанхае в начале 20-х годов в виду района Китая, где в конце 20-х, начале 30-х годов была установлена Советская власть.
3 Известия в виду района Китая, где в конце 20-х, начале 30-х годов была установлена Советская власть.
4 В 1933 г. Цзоу Тао-фэнь был вынужден эмигрировать в Европу.
5 Цзоу Тао-фэнь имеет в виду свою книгу «Горький — великий писатель революции».

А. Толстой — Цао Цзин-хуа

7 июня 1941 г.

Дорогой и уважаемый товарищ Цао Цзин-хуа, Ваше письмо доставило мне большое удовольствие. Мысль, что мой труд может хоть в малейшей степени содействовать великому китайскому народу в его героической борьбе за новую, свободную, счастливую жизнь, радует и волнует меня.

Я благодарен Вам за то, что Вы берете на себя перевод моей книги — это делает ее доступной широкому кругу читателей Китая.

В ближайшие дни я заканчиваю роман «Хмурое утро» (третья часть трилогии «Хожение по мукам»). В нем я рассказываю о гражданской войне 18—19 годов, об обороне Царицына, о разгроме контрреволюции; в нем читатель встретится с некоторыми из героев из повести «Хлеб». По выходе в свет этой книги я пошлю ее Вам и буду рад услышать Ваше мнение о ней.

Автобиографию и фотокартонку прилагаю к этому письму.

Крепко жму руку, с горячим приветом

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Цао Цзин-хуа — известный китайский переводчик советской литературы, литературовед, профессор Пекинского университета.

Л. Леонов — Цао Цзин-хуа

Дорогой г-н Цао Цзин-хуа, я был бесконечно рад получить от Вас такое любезное письмо и книгу с Вашим переводом «Нашествия». Я не сомневаюсь, что он прекрасен. И хотя, по незнанию языка, я не смог прочесть предисловия, сердце подсказало мне его содержание. Простите мне этот образ; он проистекает из искренней дружбы к великому китайскому искусству и лично Вам.

И большому сожалению, я не сумел написать предисловия к повторному изданию «Нашествия» (правда как и во «Великом Велкошумке»). За 24 года моей литературной работы я никогда не писал предисловий ни к отечественным, ни к заграничным своим изданиям. Вы согласитесь, конечно, что самое красноречивое предисловие не украсит книгу, если она плоха. И потому мне всегда казалось, что честнее появляться перед читателем с открытым лицом и текстом. Могу лишь сказать, что горжусь выходом своей книги на китайском языке, так как с глубочайшей дружеской симпатией слежу за героической борьбой Вашего народа; знаю, что он найдет в себе творческие силы для преодоления всех внешних и внутренних трудностей, стоящих на его пути; верю, что мы с Вами еще застанем на земле час его исторического торжества.

Как я уже сообщил Вам, я писал немного об этом в своем романе «Дорога на Океан» (— конечно, в

ЛУ СИНЬ — ГОРЬКИЙ

Гравюра китайского художника Чэнь Янь-цзяо

В века вошли, вошли В краю земном, в любой дали.
В прибой людской молвы У всех земных широт
Два исполна, два певца У всех буревестников земли
Пекина и Москвы. Бессмертие живет.

ДРУЖБА ЛИТЕРАТУР

Из переписки советских и китайских писателей

меру моих ограниченных знаний о Китае). Кстати, получили ли Вы это письмо?

Разумеется, я буду бесконечно признателен Вам за сообщение в точности всех обстоятельств постановки «Нашествия» на китайской сцене, если это осуществится: отношение публики, актеров и прессы — даже если бы в целом они оказались бы не очень приятны для автора.

Посылаю Вам для перевода рабочий оттиск «Великошумка», — книга еще не вышла.

Крепко жму Вам руку, желаю здоровья и успехов.

6 дек. 1944 **Леонид ЛЕОНОВ**

К. Федин — Цао Цзин-хуа

(Из письма) МОСКВА, 24 августа 1945 г.

ВОИС переслал мне на днях Ваше письмо, и я рад познаться с Вами и узнать лично от Вас о Вашем намерении (о котором слышал много раз, как уже об осуществленном) — издать «Города и годы» — по-китайски в Вашем переводе. Этот мой ответ можете считать разрешением на перевод и издание романа в Китае.

Из Ваших просьб я в состоянии исполнить только часть. Я напишу предисловие для китайского издания романа и дам небольшую автобиографию. Это потребует некоторого времени, но вероятно не более двух недель. И это пока все.

Во время войны я лишился всего своего архива, так что собрать статьи о «Городах и годах» и вообще о моем литературном пути для меня крайне затруднительно: это потребовало бы работы в библиотеках, причем все равно нельзя было бы достичь хотя бы некоторой полноты подбора критической литературы, потому что много статей выходило за границы, а русские отзывы разбросаны по самым разрозненным изданиям и на протяжении многих лет. Так что в этом пункте я не могу Вас обрадовать.

Издания «Города и годы» с гравюрами Алексева у меня тоже нет...

У меня вышло несколько иллюстрированных изданий «Города и годы», все они сейчас — библиографическая редкость. Но даже, если бы мне удалось достать для Вас какое-либо из них, чтобы пойти навстречу Вашему желанию — повторить в Китае иллюстрации, русского художника, — я не думаю, чтобы это трюмо было лучше. Наоборот — не следует ли выпустить перевод с иллюстрациями китайского графика? Некоторые переводы моих книг выходили с иллюстрациями иностранцев — в Испании, Чехословакии, Италии и пр. — и хотя эти иллюстрации страдали неточностями, они придавали книгам своеобразие, оригинальность, которая всегда приятна...

Искренне уважающий Вас **Конст. ФЕДИН**

А. Серафимович — Цао Цзин-хуа

(Из письма) 29 августа 1945 г.

Очень рад был получить от Вас письмо, глубоко уважаемый товарищ Цао. Всякая весточка из такого далекого и пространного и такого близкого сердцу Китая ласково трогает. В эти дни известно, что хребет кровавому японскому зверю сломен, особенно радостно: народ-гигант, труженик-народ, наконец, может отдать мирному труду, отделиться от творству, которое он принял во всю свою вековую историческую жизнь. Поздравляю Вас и весь китайский народ трудовой с чудесной победой над бесцерберным захлебнувшимся в крови и слезах зверем. Нет, не будет он больше терзать детей, женщин, стариков, не будет убивать тружеников, не будет несеть разрушающую тысячелетнюю культуру, созданную вековым трудом.

Еще раз крепко жму Вашу руку и поздравляю с большой незатихающей радостью.

Меня особенно порадовало, что Вы чувствуете себя хорошо и литературно работаете. Ничто так не сближает народы, как их литература. Всякий, кто взаимно сближает народные массы, делает огромное неслыханное дело.

Пешу мало, — нездоровье мешало. Пожил под Москвой в санатории «Барвиха». Чувствую себя лучше. Принимаю за работу.

Большое спасибо за две книжки на китайском. Пишите, буду рад. И сам Вам буду писать. Если куда-нибудь уеду, письма Ваши мои семейные мне перешлют.

Еще раз крепко жму Вашу руку.

Ваш А. СЕРАФИМОВИЧ

Б. Горбатов — Гэ Бао-цюаню

(Из письма) МОСКВА, 30 ноября 1945 г.

Много уважаемый г-н Гэ Бао-цюань!

Мы испытали чувство глубокого удовлетворения, получив Ваш перевод произведений Горького и книги Цзинь Цзинь о советском Китае. Ознакомление китайского народа с советской литературой приносит большую пользу делу культурного сближения Советского Союза и Вашей родины. Мы посылаем Вам книги русских классиков Грибоедова, Бронзова и Тютчева и вышедший на русском языке сборник произведений Лу Синя, с интересом встреченный советской общественностью.

Литературная секция ВОИСа живо интересуется жизнью и литературой китайского народа. Желая установить более тесную связь с китайскими писателями и с Вами лично, мы просим Вас подробно информировать нас о литературной жизни Китая, о современных китайских писателях и поэтах, о распространении в Китае советской литературы. Просим Вас также рекомендовать нам лучшие произведения китайских писателей и поэтов для издания в СССР на русском языке. Ждем Ваших вопросов, на которые с радостью ответим и пришлем книги и материалы. Вас интересуют...

По поручению Литературной секции ВОИСа вице-президент Литературной секции ВОИСа **БОРИС ГОРБАТОВ**

А. Корнейчук — Гэ Бао-цюаню

ПЕКИН Обществу китайско-советской дружбы, товарищу Гэ Бао-цюаню

Известие, что выходит в свет на китайском языке несколько моих песен, меня очень взволновало. Это для меня не только большая радость, но и большая честь. Я всегда относился к самым глубоким уважением к великой китайской культуре, которая внесла неоценимый вклад в мировую цивилизацию. Но после того, как мне посчастливилось быть в Китае в 1955 году, я полюбил великую страну и великий китайский народ так же горячо, как я люблю свой родной советский народ. Я знаю, что выскотребительный китайский читатель найдет много недостатков в моих песнях. Но если хотя бы из немногих, мои друзья, вы почувствуете биение сердца советского человека в моих далеко не совершенных образах, я буду счастлив. Горячее спасибо переводчикам моих песен и всем друзьям, которые принесли мне такую большую радость.

Александр КОРНЕЙЧУК
КНЕВ, 4 декабря 1956 г.

Цао Цзин-хуа в гостях у К. Федина

Фото С. Васильевского

М. Танк — Гэ Бао-цюаню

(Из письма) МИНСК, 15.11.1958 г.

Дорогой тов. Гэ Бао-цюань!

Я столько пережил у Вас незабываемых минут, что сегодня поездка по Вашей чудесной стране кажется сказочным сном. Хорошо, что я, поверив мудрой китайской поговорке о плохих чернилах и памяти, все старался записать. Я часто сейчас вспоминаю о этом своим дорожным запискам и фотоснимкам, и каждый раз мне кажется, что я снова разговариваю с Вами. В настоящее время я приступаю к работе над большим циклом стихов о Китае. Первая часть этого цикла будет напечатана в апрельском номере берлинского литературного журнала «Полный» (памята), вторая часть — в следующем номере...

Крепко жму Вашу руку. С братским приветом

Максим ТАНК

Б. Лавренев — Цао Цзин-хуа

МОСКВА, 25 апреля 1958.

Дорогой старый друг Цао Цзин-хуа!

Большое спасибо Вам за присланные фотоснимки и архивные китайских спектаклей «Разлом». Они стали ценным вкладом в мое собрание.

И долгое время не мог написать Вам потому, что очень тяжело болел, да и сейчас чувствую себя плохо. Вся беда в сердце. Незаметно пошла старость и своей косякостной лапой навела стеньга на сосуды. И улучшения уже не будет, возможно только ухудшение. А жить все еще хочется. Прощайте, ведь хорошая большая жизнь в хорошее боевое время. Все чаще вспоминаю сейчас чудесные строчки Багрицкого:

«Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На Крошадский лед!»

И много бы дал за то, чтобы хоть на несколько мгновений снова увидеть то время, услышать веселый шум наших победоносных знамен. Но, увы, молодость не возвращается. А жизнь идет вперед и сколько еще вперед яркого, замечательного и счастливого, но любовь, как ни, видимо, осталось недолго.

Очень хотелось мне пообщаться в Вашей родине, но, по всей вероятности, инвадирую так и придется уйти в неведомое, не выпив воды из китайских рек.

Искренне желаю Вам, дорогой друг, много славной для меня, познаюмики Ваших читателей с моими работами, всего доброго, хорошего здоровья, успехов во всех делах и долгой жизни.

Крепко жму Вам руку горячим товарищеским пожатием друга.

Сердечно Ваш **БОРИС ЛАВРЕНЕВ**

Ба Цинь* — Б. Полевому

(Из письма)

...Даже простое сочетание слов «Москва — Пекин» рождает в сердцах наших народов бесчисленное множество мыслей, которые хочется донести до будующих поколений.

Я не раз говорил друзьям, что их следует тщательно записывать и что нужен человек, который написал бы бессмертное произведение о «Москве — Пекине», о народном счастье, написал бы поэму о великой дружбе, которую унаследуют наши внуки. Это долг писателя, да и сейчас чувствую себя и часто думаю о Вас, певце советского героизма, и славящего близким нам сердце «настоящего человека». Простые люди — строители коммунизма, выходят у Вас из-под пера живыми, родными, возвышенными. Вы горячо любите народы наших стран, поэтому Вы обязательно поддержите мою мысль. Советские писатели, как и весь советский народ, идут в авангарде наших рядов, на литературном фронте они прилагают большие усилия и добиваются блестящих успехов. В современной мировой литературе советская литература сияет самой яркой звездой... После второй мировой войны в Европе и Америке стали широко распространяться упаднические, пессимистические и порнографические произведения. Эта литература «копаниа в мелочах», уводящая от действительности, воспитывает в людях безволие и чувство обреченности, либо прививает любовь и наслаждение. А в это время советская литература, подобно восходящему солнцу, озаряет сердца людей, занесяет в них надежду, вдохновляет на пути к прогрессу. Влияние советской литературы на народы всего мира не измерить никакими мерками!..

* Ба Цинь — известный современный китайский писатель. Его открытое письмо Б. Полевому было опубликовано во втором номере китайского журнала «Шоуэнь» («Жизнь») за этот год.

Правление Союза писателей СССР, правление Союза писателей РСФСР и президиум правления Московского отделения Союза писателей с глубоким прикосбием извещают о смерти писателя

Сергея Константиновича КРУШИНСКОГО

и выражают соболезнование семье покойного.

Гражданская панихида состоится 12 сентября в Доме культуры «Правды» в 14 часов 30 минут.

Главный редактор С. С. Смирнов. Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.